

Научная статья

УДК 343.1

doi: 10.17223/22253513/47/4

Уголовно-процессуальная форма как форма разрешения социальных конфликтов

Денис Николаевич Лозовский¹,
Игорь Михайлович Алексеев², Елена Эдуардовна Алексеева³

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, dlozovsky@mail.ru

² Северо-Западный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Санкт-Петербург, Россия, kaspar555@mail.ru

³ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, 9189929161@mail.ru

Аннотация. Рассматривается содержание, составляющее уголовно-процессуальную форму. Определяются современные тенденции развития уголовно-процессуального права. Выявляется функциональная нагрузка уголовно-процессуального права в виде разрешения конфликтов, носящих уголовно-правовой характер. На основании достижений современной герменевтики обосновывается позиция, в соответствии с которой разрешение социальных конфликтов выступает содержанием уголовно-процессуальной формы.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; содержание уголовного процесса; уголовно-процессуальные правоотношения; уголовно-правовой конфликт; правозащитное назначение уголовного процесса

Для цитирования: Лозовский Д.Н., Алексеев И.М., Алексеева Е.Э. Уголовно-процессуальная форма как форма разрешения социальных конфликтов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 58–67. doi: 10.17223/22253513/47/4

Original article

doi: 10.17223/22253513/47/4

Criminal procedure as a form of social conflict resolution

Denis N. Lozovsky¹, Igor M. Alekseev², Elena E. Alekseeva³

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, dlozovsky@mail.ru

² North-Western Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice», Saint-Petersburg, Russian Federation, kaspar555@mail.ru

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation, 9189929161@mail.ru

Abstract. The purpose of the research is an attempt to prove the independence of criminal procedure law in relation to criminal law. However, in the course of research, the authors were confronted with the fact that the traditional approach based on legal positivism

does not allow one to distinguish other criminal procedural law, except for criminal law. However, a similar understanding of law and process does not allow to reveal their ability to resolve conflicts. In this regard, in the study, the authors turned to the methodology developed by modern hermeneutics, using the communicative theory of law as the main method for studying criminal procedure law, where law acts as a means of interaction between people, which sets the boundaries for such interaction, which made it possible to look at the criminal process as a way communications. In the process of such communication, conflicts arising in society that are basically criminal in nature are resolved.

In the field of criminal proceedings, this allowed to say, if the case concerns a criminal law conflict, then we should not talk about the emergence of criminal law relations. Based on that, the authors conclude that the criminal procedure law is independent. This follows, first of all, from the fact that the process does not boil down to the application of criminal law, but performs the function of resolving conflicts and can well do without applying a specific norm of the Criminal Code of the Russian Federation, for example, in case of reconciliation of the parties (Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) or in connection with compensation for damage (Article 28.1 of the Code of Criminal Procedure).

The authors conclude that criminal law is the legal means of institutionalizing possible social conflicts, and the criminal process is a form of resolution. Thus, the fact of committing a crime is losing its significance; instead, the conflict that has come to the fore is highlighted. Moreover, the process serves only as a form of conflict resolution, which translates it into a legal channel. Without criminal law, procedural procedures lose all meaning, which, however, does not put the process in a subordinate position with respect to law. Based on the functional load of law as a form of resolving social conflicts, the authors conclude that the process is functionally designed to resolve them. At the same time, the application of the criminal law norm as a result of procedural activity loses all meaning. Instead, the fact of resolving the conflict, which may occur, for example, in reconciliation of the parties, is of importance. Thus, the criminal procedure form is functionally designed to resolve criminal law conflicts arising in society.

Keywords: criminal procedure form; content of the criminal process; criminal procedural relations; criminal law conflict; human rights appointment of the criminal process

For citation: Lozovsky, D.N., Alekseev, I.M. & Alekseeva, E.E. (2023) Criminal procedure as a form of social conflict resolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Prav – Tomsk State University Journal of Law*. 47. pp. 58–67. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/47/4

В настоящее время наметилась острая необходимость использования новых подходов для исследования проблем уголовного судопроизводства в России. Причем указанная необходимость не является чисто теоретической, а продиктована потребностью качественного улучшения системы противодействия преступности. Президент России Владимир Владимирович Путин говорит об этом практически на каждой коллегии МВД. Так, оценивая результаты работы МВД России за 2019 г., глава государства требует повысить уровень раскрываемости преступлений, подчеркивая, что это одна из основных задач ведомства и на ее решении должны быть сосредоточены усилия всех подразделений министерства [1].

При этом необходимо обратить внимание на то, чтобы под эгидой борьбы с преступностью не нарушались права и свободы граждан, чтобы лица,

не виновные в совершении преступлений, не были подвергнуты уголовному преследованию, особенно это относится к сфере предпринимательской деятельности. Так, глава государства обращает внимание на тот факт, что жалоб со стороны предпринимателей на давление со стороны правоохранительных органов, незаконные, необоснованные действия, в том числе сотрудников МВД, по-прежнему много. В.В. Путин подчеркивает, что экономическая безопасность заключается не в том, чтобы в каждом предпринимателе видеть потенциального нарушителя, а в защите бизнеса, законопослушных граждан. Именно такая работа призвана служить важнейшим элементом привлекательного, комфортного, цивилизованного делового климата в стране [1]. Причем сказанное Президентом относится не только к бизнес-сообществу, но и к каждому гражданину нашей страны. Любой человек должен ощущать себя в безопасности, вне зависимости от национальности, вероисповедания, убеждений или отношения к каким-либо социальным группам. В этой связи сама попытка создать привилегированный уголовно-процессуальный режим для бизнеса уже вызывает определенные опасения. Кроме того, указанная попытка пока что не привела к желаемому результату на что, собственно говоря, и обращает внимание глава государства. В свою очередь А.С. Александров констатирует: поскольку ранее принятые меры по защите бизнеса от незаконного уголовного преследования успеха не принесли, постольку надо ставить вопрос о принципиально ином подходе к ее решению. Только технократический подход к оптимизации существующей государственно-правовой модели противодействия преступности, равно как и политика по созданию отдельного, привилегированного организационно-правового механизма для субъектов предпринимательской деятельности, не позволит кардинально улучшить проблемную ситуацию [2. С. 55].

Очевидно, что проблемы, обозначенные руководством страны, не могут быть решены посредством проведения организационно-штатных мероприятий или с помощью технических нововведений, поскольку их ресурс практически исчерпан. В связи с этим наметилась острая необходимость изменения доктринальных основ уголовного судопроизводства, основанная на достижениях современных гуманитарных наук.

Однако в современной правовой доктрине уголовный процесс рассматривается как форма применения уголовно-правовых предписаний. При этом очень важно отметить, что уголовный процесс не сводится к форме уголовного права, а является самостоятельной отраслью права, наполненной собственным содержанием, облеченным в уголовно-процессуальную форму.

Нас заинтересовал вопрос содержания, которым наполнена уголовно-процессуальная форма. Это обусловлено тем, что осознание того, что уголовное право не является содержанием процесса, не приближает нас к знанию того, что же выступает содержанием процесса.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что большинство ученых сходятся во мнении, что уголовно-процессуальное право устанавливает не только процедуру жизни норм материального права, но и регулирует более широкий круг отношений при производстве по уголовным делам: определяет

правовой статус компетентных органов и всех субъектов уголовного процесса, закрепляет основные принципы уголовного процесса, наиболее эффективное осуществление задач уголовно-процессуального законодательства и т.д. [3]. Соответственно, содержание процесса сводится к совокупности его институтов, которые нужны не только для того, чтобы государство могло осуществить свою карательную власть, но также и для того, чтобы оградить невиновного от произвольного преследования и несправедливого обвинения [4. С. 27]. Например, И.Б. Михайловская, раскрывая правозащитное содержание уголовного процесса, указывала: «Уголовное право – это меч, разящий правонарушителей, а уголовный процесс – щит, оберегающий личность от государственной репрессии» [5. С. 2].

Однако при более близком рассмотрении современного Уголовного кодекса РФ можно прийти к выводу, что и в этой части процессуальные гарантии, предоставляемые УПК РФ, направлены на неукоснительное соблюдение норм УК РФ. Указанное суждение было убедительно доказано К.В. Муравьевым в своей докторской диссертации [4], автор задает риторический вопрос «Разве нужен “щит” от такого уголовного закона?» И совершенно справедливо отвечает на него: «...защита необходима не от закона, а от беззакония, произвола со стороны кого бы то ни было» [4. С. 29].

Следует заметить, что с развитием правового государства все отрасли права, в том числе и уголовного, наполняются правозащитным содержанием. Поэтому уклон на защиту прав и свобод личности – явление не только процессуального, но и материального права. Так, Н.М. Кропачев указывает, что «само уголовное законодательство способно гарантировать право каждого на свободу и неприкосновенность от необоснованного (незаконного) применения мер уголовно-правового воздействия» [6. С. 128–129]. И вот, казалось бы, обретенное содержание уголовного процесса утрачивается нами, растворяется в тенденции, присущей всем отраслям права в правовом государстве.

Таким образом, традиционный подход, основанный на юридическом позитивизме, не позволяет выделить другого содержания уголовного процесса, кроме как уголовно-правового, где уголовный процесс есть лишь форма применения уголовного закона.

Однако подобное понимание права и процесса не позволяет раскрыть их способность разрешать конфликты. Более того, эта способность остается где-то далеко позади охранительной, воспитательной, профилактической и других задач стоящих перед этими отраслями права. В современной правовой доктрине факт совершения преступления запускает центральное, уголовно-правовое отношение. После чего государство, в лице правоохранительных органов решая указанные нами выше задачи, пытается его выявить и наказать виновное в его совершении лицо. Тут процесс предстает больше в гносеологическом аспекте, поскольку основная задача, субъекта, осуществляющего расследование, сводится к правильному применению нормы УК РФ, а для этого ему необходимо установить истину по делу. Соответственно, сами стороны конфликта подчас остаются за «бортом»

правосудия. Особенно это относится к потерпевшей стороне, интересы которой в процессе расследования практически не учитываются. Более того, происходит подмена правовой цели уголовно-процессуального права целью гносеологической, а раз цель – установление истины, то, как известно, «все средства хороши». Постулируется, что раз истина достигнута, значит, и конфликт разрешен и все правовые цели также достигнуты. Не сомневаясь в принципиальной возможности достижения человечеством объективной истины, мы сомневаемся в возможности ее достижения в уголовном судопроизводстве ввиду ограниченности времени для исследования всех обстоятельств дела, инструментария, которым располагает следователь (ввиду необходимости использовать только допустимые доказательства), да и в целом эмпирического материала, который есть у следователя. Кроме того, подчас сама конфликтная ситуация, обусловленная преступлением, требует разрешения в кратчайший период времени. Отказ от ее решения, даже ссылаясь на необходимость установления истины по делу, может привести к его эскалации, его решению неправовыми средствами. В таких условиях говорить об объективной истине представляется затруднительным.

В этой связи мы обратились к положениям современной герменевтики, в соответствии с которой познание вплетено в историческую практику и не может быть полностью свободным от предрассудков, воспринятых в процессе воспитания в конкретной языковой среде.

Перед началом познания необходимо наличие определенных условий, в качестве таковых можно выделить традиции, обычаи, предрассудки, которые предданы исследователю. В этом смысле исторической действительностью бытия выступает предрассудок [7. С. 21], сложившийся в том числе из экономических и социально-политических реалий, в которых живет исследователь. При этом необходимо отметить, что предрассудок в герменевтике утрачивает негативный оттенок, придаваемый им материалистами, которые призывали преодолевать последние на пути познания истины. Традиция, в которой воспитывается человек, – это тот смысловой универсум, который включает в себя наши представления о мире [8. С. 24]. Выйти за их пределы представляется задачей, практически невыполнимой для исследователя. Общество не является объектом, противостоящим познающему субъекту и по отношению к которому возможна внешняя позиция наблюдателя, оно выступает универсальной средой нашего познания. Применяя этот тезис к условиям социального мира, можно отметить, что он включает в себя определенную совокупность знаний, которые принимаются людьми, участвующими в общении, на веру и разделяются всеми участниками коммуникации. Говоря о социальном происхождении знания, важно отметить, что лишь небольшая его часть опосредована нашим личным опытом. Большая часть знания имеет социальное происхождение, передана друзьями, родителями, учителями и т.д. [9. С. 16]. Указанные знания образуют наш жизненный мир, который можно определить как разделяемый всеми горизонт, в рамках которого реализуются коммуникация и повседневная практика людей, формируются коллективные представления о действительности – язы-

ковые картины мира. Эти картины мира являются продуктом опыта некоего сообщества, представляют совокупность знаний о действительности, составляют фоновое знание и дают ориентиры для повседневной деятельности. Хабермас определяет жизненный мир как «абсолютно известное», имеющее intersubjective характер; то, что является необходимым условием коммуникации между членами языкового сообщества [8. С. 30].

Таким образом, представители герменевтики применительно к гуманитарной области знаний исходят из того, что истина исторична и контекстуальна с чем мы, в общем, согласны [10]. В этой связи интерес представляет высказывание А.В. Смирнова, предлагающего считать целью судебной и следственной деятельности доказанность, а не истину, поскольку вслед за подменой сугубо юридического понятия «доказанность» философской категорией «истина» деформации подвергается вся процессуальная форма [11. С. 11].

Продолжая герменевтическую традицию, мы обратились к коммуникативному подходу к правовой теории, где право выступает как средство взаимодействия между людьми, которое устанавливает границы такого взаимодействия, позволяет взглянуть на уголовный процесс как способ коммуникации. В процессе такой коммуникации разрешаются конфликты, возникающие в обществе, которые в своей основе носят уголовно-правовой характер.

Вообще рассмотрение права как формы разрешения конфликтов в последние годы набирает популярность. Например, Л.В. Головкин называет данное свойство права функциональностью права, по мнению ученого, «ни для чего другого оно не нужно». Все остальные задачи, стоящие перед правом (воспитательная, профилактическая и т.д.), вторичны, побочны и системобразующими не являются [12. С. 93–94]. А.В. Смирнов, рассуждая о формальных средствах юридического доказывания в уголовном процессе указывает, что настоящая, а не декларативная цель уголовного судопроизводства – разрешение социальных конфликтов, когда значение имеет, восстановлен ли судом общественный гомеостаз или, иначе говоря, снята ли проблемная ситуация [11. С. 11]. В свою очередь А.С. Александров также разделяет установку позитивизма на то, что право является единственным институциональным способом разрешения социальных конфликтов, расходясь с ним только в вопросах средств правового воздействия [2. С. 58].

В качестве примера Л.В. Головкин приводит следующую ситуацию: если, например, между супругами возник конфликт и они не смогли погасить его любыми внеправовыми способами, то их конфликт будет разрешен юридически по требованию одного из них с помощью правовых инструментов (развод, раздел имущества, решение вопроса о воспитании детей и т.п.). Если же ссора супругов завершилась примирением, то о праве никто не вспомнит [12. С. 93].

Применительно к сфере уголовного судопроизводства это означает, что если стороны уголовно-правового конфликта нашли способ примириться, не прибегая к юридическим средствам, то нельзя говорить о возникновении уголовно-правовых отношений. При этом мы не отрицаем сам факт совершения определенного деяния, однако считаем, что наделение этого

факта свойствами преступления относится исключительно к компетенции уголовно-процессуального права. Поэтому и правоотношения между преступником и государством возникают после констатации судом того факта, что совершенное деяние – преступление, а лицо, его совершившее, – преступник. В таком контексте на первый план выходит институциональный способ разрешения возникшего конфликта, в результате которого к виновной стороне применяется статья Уголовного кодекса РФ. Например, когда те же супруги в ходе ссоры прибегли к насилию, совершив своими действиями преступление, которое можно квалифицировать по ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», но затем примирились, о возникновении уголовных или уголовно-процессуальных правоотношений не может быть и речи. Только в случае, если бы потерпевшая сторона конфликта прибегла к юридическим средствам его разрешения, можно было бы говорить о возникновении уголовно-процессуальных правоотношений, которые привели бы к применению нормы УК РФ.

Исходя из этого, можно утверждать если не о первичности процессуального права по отношению к материальному, то хотя бы о самостоятельности уголовно-процессуального права. Это вытекает, в первую очередь, из того, что процесс не сводится к применению уголовного права, а выполняет функцию разрешения конфликта и вполне может обойтись без применения конкретной нормы УК РФ, например, в случае примирения сторон (ст. 25 УПК РФ) или в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ).

В свете вышесказанного уголовное право является правовым средством институционализации возможных социальных конфликтов, а уголовный процесс – формой их разрешения. Так, человек прибегает к процессуальным способам разрешения конфликта только в том случае, если знает, что государство в силу закона взяло на себя обязательство защищать право этого человека и в конечном итоге восстановить социальную справедливость путем применения наказания к лицу, это право нарушившему.

Например, потерпевший от незаконного лишения свободы обратится в правоохранительные органы только в том случае, если знает, что право на свободу и личную неприкосновенность ему гарантировано Конституцией РФ и охраняется уголовным законом. В противном случае он будет искать другие, неинституциональные способы разрешения возникшего конфликта. При этом уголовное право также служит важным ограничителем в деле эскалации конфликта, когда потерпевший в выборе средств его разрешения вынужден оглядываться на уголовный кодекс, который заставляет его обратиться к правовым средствам разрешения конфликта.

Таким образом, факт совершения преступления утрачивает свое значение, вместо него на первый план выдвигается произошедший конфликт. Так, если запрет не нарушен, то причины поведения вообще не имеют значения. Если он нарушен, но никто этого не увидел, причины опять-таки фактически значения иметь не будут, поскольку правонарушение останется латентным. Но если правонарушение окажется установленным, то можно говорить о процессуализации конфликта [12. С. 99–100].

Однако отметим, что процесс служит лишь формой разрешения конфликта, которая переводит его в правовое русло. Без уголовного права процессуальные процедуры лишаются всякого смысла. Кто пойдет писать заявление в полицию по факту произошедшего конфликта, если в УК РФ отсутствует норма, по которой можно покарать обидчика? По этой причине принижать роль уголовного права ни в коем случае нельзя. Однако и сводить процесс только к реализации норм уголовного права также не представляется возможным. Если исходить из функциональной нагрузки права как формы разрешения социальных конфликтов, то именно процесс функционально предназначен для их разрешения. При этом применение нормы уголовного права как итог процессуальной деятельности лишается всякого смысла. Вместо этого значение имеет сам факт урегулирования конфликта, который может наступить, например, при примирении сторон. По сути, применение норм уголовного права есть крайняя мера в деле урегулирования социальных конфликтов (по крайней мере, по категории уголовных дел, где примирение возможно). По делам тяжким и особо тяжким, где осуществляется публичное уголовное преследование (т.е. примирение невозможно, а в некоторых случаях потерпевшая сторона и вовсе отсутствует), логика урегулирования конфликта не меняется за тем исключением, что ее закономерным итогом будет применение нормы УК РФ. Просто государство в таком конфликте выступает как выразитель воли всего общества или отдельной социальной группы, примириться с неопределенным кругом лиц практически невозможно, поэтому в глазах общества разрешение конфликта возможно только посредством назначения справедливого наказания лицу, посягнувшему на определенную сферу общественных отношений. Социальная справедливость восстановлена – конфликт исчерпан. Кроме того, важным инструментом в деле разрешения таких конфликтов играют процессуальные сделки, например, возможность выбора особого порядка судебного разбирательства, когда обвиняемый согласен с предъявленным обвинением. Признание вины, раскаяние, возмещение ущерба позволяют добиться восстановления социальной справедливости при меньшем наказании, что благотворно влияет на все стороны конфликта. Однако использование этого инструмента в деле решения социальных конфликтов требует особой осмотрительности, дабы не перейти в другую крайность – «договорное правосудие», когда лицо, совершившее преступление, получит легальный способ избавиться от привлечения к уголовной ответственности, что опять же нивелирует роль права в деле решения конфликтов. Например, когда государственный обвинитель вопреки воле потерпевшей в конфликте стороны пойдет на сделку с преступником, преследуя свои, так сказать, узкокорпоративные интересы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод если не о первичности процессуального права по отношению к материальному, то хотя бы о самостоятельности уголовно-процессуального права. Это вытекает, в первую очередь, из того, что процесс не сводится к применению уголовного права, а выполняет функцию разрешения конфликта. В свою очередь, уголовное право

является правовым средством институционализации возможных социальных конфликтов, а уголовный процесс – формой их разрешения.

Список источников

1. Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 27.02.2020).
2. Александров А.С., Власова С.В. Антидогматика: новое понимание уголовного права и процесса // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 1 (18). С. 53–61.
3. Шпилев В.Н. Сущность, содержание и формы советского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1983. 360 с.
4. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юр. наук. Омск, 2017. 505 с.
5. Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
6. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. 261 с.
7. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
8. Гапонов А.С. Природа социального познания: эвристический потенциал феноменолого-герменевтической программы : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016. 117 с.
9. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом М. : Рос. полит. энциклопедия, 2004. 1056 с.
10. Алексеев И.М. Перспективы дифференциации уголовно-процессуальной формы // Уголовное судопроизводство России: современное состояние и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18–19 апр. 2019 г.) / редкол.: А.С. Данильян, И.М. Алексеев, А.В. Рудин и др. Краснодар, 2019. С. 5–8.
11. Смирнов А.В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. СПб., 2018. С. 9–23.
12. Головкин Л.В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте // Проблемы постсоветской теории и философии права : сб. ст. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 92–126.

References

1. Putin, V.V. (2020) *Vystuplenie na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii 26 fevralya 2020 g.* [Speech at an expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on February 26, 2020]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913> (Accessed: 27th February 2020).
2. Aleksandrov, A.S. & Vlasova, S.V. (2019) *Antidogmatika: novoe ponimanie ugovornogo prava i protsessa* [Anti-dogmatics: A new understanding of criminal law and process]. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*. 1(18-6). pp. 53–61.
3. Shpilev, V.N. (1983) *Sushchnost', sodержanie i formy sovetskogo ugovornogo sudoproiz-vodstva* [Essence, content and forms of Soviet criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Minsk.
4. Muraviev, K.V. (2017) *Optimizatsiya ugovornogo protsessa kak formy primeneniya ugo-lovnogo zakona* [Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law]. Law Dr. Diss. Omsk.
5. Mikhaylovskaya, I. (2002) *Prava lichnosti – novyy prioritet Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Personal rights – a new priority of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 2–4.

6. Kropachev, N.M. (1999) *Ugolovno-pravovoe regulirovanie. Mekhanizm i sistema* [Criminal law regulation. mechanism and system]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Gadamer, G.-G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy* [Truth and Method: Philosophical Foundations]. TRanslated from German. Moscow: Progress.
8. Gaponov, A.S. (2016) *Priroda sotsial'nogo poznaniya: evristicheskiy potentsial fenome-nologo-germenevticheskoy programmy* [The nature of social cognition: the heuristic potential of the phenomenological-hermeneutic program]. Law Cand. Diss. Tomsk.
9. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works: A world shining with meaning]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
10. Alekseev, I.M. (2019) Perspektivy differentsiatsii ugolovno-protsessual'noy formy [Prospects for differentiation of the criminal procedural form]. In: Danilyan, A.S., Alekseev, I.M., Rudin, A.V. et al. (eds) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Criminal Proceedings of Russia: Current State and Development Prospects]. Krasnodar: [s.n.]. pp. 5–8.
11. Smirnov, A.V. (2018) Formal'nye sredstva yuridicheskogo dokazyvaniya v ugolovnom prave i protsesse [Formal means of legal proof in criminal law and process]. In: Kalinovskiy, K.B. & Zashlyapin, L.A. (eds) *Yuridicheskaya istina v ugolovnom prave i protsesse* [Legal truth in criminal law and process]. St. Petersburg: Petropolis. pp. 9–23.
12. Golovko, L.V. (2016) Postsovetskaya teoriya prava: trudnosti pozitsionirovaniya v isto-richeskom i sravnitel'no-pravovom kontekste [Post-Soviet Theory of Law: Difficulties of Positioning in the Historical and Comparative Legal Context]. In: *Problemy postsovetskoy teorii i filosofii prava* [Problems of the Post-Soviet Theory and Philosophy of Law]. Moscow: YurLitinform. pp. 92–126.

Информация об авторах:

Лозовский Д.Н. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: dlozovsky@mail.ru

Алексеев И.М. – советник Управления конституционных основ уголовной юстиции Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации; доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург, Россия) E-mail: kaspar555@mail.ru

Алексеева Е.Э. – преподаватель кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России (Краснодар, Россия). E-mail: 9189929161@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.N. Lozovsky, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: dlozovsky@mail.ru

I.M. Alekseev, Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation, North-Western Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University of Justice» (Saint-Petersburg, Russian Federation Russian Federation). E-mail: Kaspar555@mail.ru

E.E. Alekseeva, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: 9189929161@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2021;
одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 14.03.2023.*

*The article was submitted 14.09.2021;
approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication 14.03.2023.*